

ВОСПОМИНАНІЯ В. В. САМОЙЛОВА.

Первые годы артистической дѣятельности.

Расскажу нѣкоторые эпизоды изъ моей жизни, предполагая, что они будутъ довольно любопытны для читателей, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые интересуются сценическимъ искусствомъ и артистическою жизнью его дѣятелей.

О частной жизни моей умолчу, не находя ее интересной для читателей; но жизнь каждаго актера, собственно на театральныхъ доскахъ, должна быть общимъ достояніемъ и исключительно принадлежать лѣтописямъ театра.

Я никогда не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ, хотя отецъ мой принадлежалъ къ театру и былъ извѣстный пѣвецъ. На сцену я попалъ почти случайно.

Какъ-то разъ, покойный императоръ Николай Павловичъ, встрѣтись съ отцомъ моимъ, спросилъ: отчего онъ ни одного изъ своихъ сыновей не опредѣлитъ на сцену?

— Развѣ ни одинъ изъ нихъ не наследовалъ твоего таланта?— спросилъ при этомъ Государь.

„Таланты есть“,—отвѣчалъ отецъ,—„но всѣ сыновья мои на службѣ, и каждый изъ нихъ обязанъ десять лѣтъ отслужить за свое образованіе, которое получилъ отъ покойнаго императора Александра.

— А если таланты есть,—возразилъ Государь,—то давай ихъ къ намъ, на сцену. Офицеровъ всегда сдѣлать можно, а артистовъ—нѣтъ!

Покойный отецъ, говоря съ увѣренностью о талантахъ своихъ дѣтей, имѣлъ основаніе, потому что самъ видалъ ихъ на сценѣ. Я, и два брата мои, получили образованіе въ Горномъ корпусѣ. Въ двадцатыхъ годахъ этотъ корпусъ былъ образцовымъ учебнымъ заведеніемъ. Воспитанники оканчивали курсъ на правахъ университет-

скихъ и, кромѣ наукъ, тамъ старались развивать любовь къ изящнымъ художествамъ. Тамъ преподавали: живопись, музыку, пѣніе, фехтованье и танцы; въ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе, свой театръ и ученики постоянно, предъ многочисленнымъ обществомъ, авлялись на сцену пробовать свои силы. Отецъ мой, какъ известный пѣвецъ и актеръ, почти всегда былъ приглашаемъ присутствовать при подобныхъ спектакляхъ и здѣсь — то самъ имѣлъ возможность видѣть дарованіе своихъ сыновей. Я, въ бытность мою въ корпусѣ, постоянно отказывался играть на сценѣ: я былъ недуренъ собою и, къ несчастію, на мою долю постоянно доставались роли молодыхъ дѣвушекъ, играть которыя я считалъ обиднымъ для моего самолюбія. Такимъ образомъ, отцу ни разу не пришлось видѣть меня на сценѣ. Но у меня былъ хорошій голосъ, теноръ, и отецъ часто говаривалъ, что жаль, если подобный голосъ пропадетъ безъ всякой пользы для сцены. Вѣроятно и послѣ „разговора съ императоромъ“ эта мысль побудила отца остановить свой выборъ на мнѣ.

Въ то время я былъ офицеромъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ къ отцу. Онъ передалъ мнѣ свой разговоръ съ государемъ и объявилъ о своемъ желаніи. Хотя оно и не совсѣмъ согласовалось съ моимъ, но я не хотѣлъ идти противъ воли отца. Дебютъ мой былъ назначенъ въ оперѣ Мегюля: „Іосифъ Прекрасный“, въ роли Іосифа. Партію со мною проходилъ Далл’окка, отецъ знаменитой пѣвицы Шобердехнеръ. До моего дебюта меня никто не слышалъ. Только однажды случилось, что актеръ М. С. Щепкинъ, пріѣхавъ изъ Москвы, посѣтилъ моего отца. Разказалъ ему отецъ о своемъ намѣреніи — отдать меня на сцену и предложилъ ему послушать мой голосъ. Хотя отецъ былъ почти увѣренъ въ моемъ успѣхѣ, но въ его родительскомъ сердцѣ невольнo пробуждались сомнѣніе и боязнь за сына, тѣмъ болѣе, что поприще, на которое я готовился вступить, было мнѣ указано почти имъ однимъ. Невольный страхъ — подвергнуть меня неудачѣ — тревожилъ его и ему желательно было услышать отъ другого подтвержденіе, что онъ въ своемъ рѣшеніи не ошибается.

По приказанію отца, я пропѣлъ арію изъ Іосифа. Насколько мое пѣніе было хорошо и удачно — я самъ о томъ не могъ судить отъ сильнаго волненія, но, по окончаніи аріи, я замѣтилъ, что отецъ былъ доволенъ мною, а на глазахъ Щейкина виднѣлись слезы.

— Пожалуйста, не торопись увлекаться первымъ своимъ успѣхомъ, успѣшилъ сказать отецъ. Во-первыхъ, Михаилъ Семеновичъ слишкомъ снисходителенъ, а во-вторыхъ, ужъ слишкомъ чувствителенъ: онъ отъ всего плачетъ... видно, ужъ у него глаза на мокромъ мѣстѣ.

Несмотря, однако-жь, на свою шутку, въ которой какъ-бы слы-

шалось недовѣріе къ оцѣнкѣ Щепкина и боязнь, что-бы я не слишкомъ много возмечталъ о своемъ голосѣ послѣ искреннихъ и горячихъ похвалъ заслуженнаго артиста, самъ отецъ, видимо, остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое произвело на Щепкина мое пѣніе, но не желалъ этого выказать ни предъ нимъ, ни передо мною.

Вскорѣ былъ назначенъ день моего дебюта. Я готовился къ нему безъ особеннаго волненія. Меня никто не училъ сценаріизму: на репетиціяхъ отецъ, видя во мнѣ задатки сценическаго дарованія, не хотѣлъ давать мнѣ своихъ совѣтовъ, что-бы не сбивать меня и не мѣшать развитію таланта. Онъ зналъ по опыту, что часто даваемые совѣты не прививаются и не усваиваются, но въ то же время и по этой самой причинѣ своя манера выражаться исчезаетъ, утрачивается, и бываетъ такъ, что актеръ на сценѣ все время остается въ замѣшательствѣ, припоминая, чему его учили и не забылъ-ли онъ чего.

Насталъ день моего дебюта: 3-е октября 1834 года.

Я пріѣхалъ въ Большой театръ вмѣстѣ съ отцомъ, который въ той же оперѣ исполнялъ роль Симеона. Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть, съвозъ занавѣсъ, на публику. Зала была полна народомъ; я увидѣлъ множество моихъ товарищей по корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ дрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я какъ-будто только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова закружилась отъ множества мыслей, одна—другой грознѣе, одна—другой неутѣшительнѣе, вихремъ закрутившихся передо мною. Неизвѣстность: чѣмъ все кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности, какой-то ложный стыдъ—показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и знакомыхъ; мысль о совершенной неудачѣ, о томъ, что чрезъ какой-нибудь часъ ужъ будетъ поздно возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю... однимъ словомъ, я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что я дѣлаю, я, бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ заостюмированнымъ и рѣшительно объявилъ ему, что играть не буду и на сцену ни за что не выйду!

Отецъ испугался, началъ меня урезонивать; а между тѣмъ уже сыграли увертюру и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что въ эту минуту никакія убѣжденія на меня не подѣйствуютъ и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: схватилъ меня за руку и насильно втолкнулъ на сцену.

Мгновенно я былъ ослѣпленъ свѣтомъ рампъ и множества огней. Въ первую минуту меня совсѣмъ ошеломила такая неожиданность,

но вмѣстѣ съ тѣмъ мелькнуло въ головѣ сознание, что первый шагъ сдѣланъ и возврата нѣтъ.

Оркестръ подалъ мнѣ аккордъ. Почти ничего не вида предъ собою, скрѣпя сердце, съ какой-то отчаянной смѣлостью я началъ пѣть. Не смотрѣлъ ни на кого въ залѣ, боясь встрѣтиться съ знакомымъ взоромъ... Подъ конецъ арія, возбуждивъ въ себѣ какую-то поддѣльную смѣлость, я началъ серьезно входить въ свою роль. Это было непродолжительно. Покуда я еще былъ одинъ на сценѣ, я могъ забыться; могъ вообразить себѣ, что я—настоящій Іосифъ, что рассказываю не по театральнымъ подмосткамъ, а попираю ногами настоящую землю египетскую; что я окруженъ роскошными растениями богатой природы, а не намалеванными кулисами, изображающими деревья. Давъ волю фантазіи и увлеченію, я-бы еще долго могъ вообразать себя неподдѣльнымъ сподвижникомъ фараона египетскаго, если-бы не явился на сцену новый актеръ (Ефремовъ), отличавшійся, какъ нарочно, плохимъ и, въ особенности, ненатуральнымъ исполненіемъ своихъ ролей. Когда онъ выступилъ изъ-за кулисъ, по старой методѣ, съ долгими паузами послѣ каждаго шага, замахалъ руками, взвылъ нечеловѣческимъ голосомъ—я точно свалился съ неба въ преисподнюю. Увидѣлъ я, что я—не Іосифъ Прекрасный, а онъ—далеко не приверженецъ мой, и что оба мы, въ настоящую минуту, потѣшаемъ публику. Тутъ вся моя прежняя робость возвратилась ко мнѣ еще съ новою силою; отъ волненія я началъ дрожать всѣмъ тѣломъ, такъ что всѣ блестящіе моего роскошнаго костюма заходили ходнемъ, выдавая тѣмъ мой страхъ и смущеніе. Весь первый и слѣдующій за нимъ речитативъ я пропѣлъ въ пол-тона выше, чѣмъ слѣдовало.

Все же мой первый дебютъ былъ очень удаченъ; повтореніе дебюта—тоже. Послѣ этихъ двухъ представленій, въ которыхъ я порядкомъ поизмучился и поволновался, я сильно захворалъ и слегъ; такъ что въ третій разъ явился на сцену, спустя уже порядочное время, въ бенефисъ отца, въ оперѣ „Сандрильона“ (роль Рамира). Послѣ этихъ двухъ ролей меня приняли на сцену, на жалованье двухъ съ половиною тысячъ руб. ассигнаціями.

Если я съ первыхъ же дней пошелъ такъ быстро впередъ и началъ трудиться серьезно, то обязанъ этимъ единственно тому, что былъ очень несчастливъ на сценѣ. Не мало притѣсненій и гоненій пришлось испытать мнѣ. Благодаря сильному и твердому моему характеру, я не упалъ духомъ; не чуждый самолюбія—не хотѣлъ оставаться послѣднимъ по таланту. Быть можетъ, при иныхъ обстоятельствахъ, при другой, болѣе благоприятной, обстановкѣ, мое дарованіе и не такъ-бы скоро развилось. Но, во всякомъ случаѣ, не дай

Богъ никому такой цѣною покупать себѣ славу и благосостояніе: До сихъ поръ (уже слишкомъ тридцать лѣтъ¹⁾) съ ужасомъ припоминаю о томъ, что мнѣ довелось переживать. Тогдашняя театральная администрація, благоволя и повровительствуя питомцамъ театрального училища, неприязненно относилась къ лицамъ, поступавшимъ на сцену не изъ этого рассадника талантовъ. Не я одинъ испытывалъ послѣдствія подобныхъ отношеній администраціи къ артистамъ невоспитанникамъ: Асенкова, А. Я. Воробьева (супруга О. А. Петрова), обѣ сестры мои и многія другія не были счастливѣе меня. Особенно памятенъ мнѣ одинъ случай изъ моей жизни, относящійся ко времени, отдѣленному нѣсколькими годами отъ моего дебюта. Тогда изъ оперы я уже перешелъ въ драматическую труппу, такъ какъ послѣ неожиданной и несчастной смерти моего отца опера почти разстроилась; въ Александринскомъ же театрѣ мой голосъ могъ быть полезенъ въ разныхъ опереткахъ, которыя тамъ ставились довольно часто. Я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Жалованья, которое я получалъ (500 руб. по нынѣшнему счету на серебро), далеко не доставало не только на содержаніе семьи, но и на самое необходимое, и я принужденъ былъ заниматься частною работою. Болѣе всего меня выручала живопись: я работалъ, по заказу, небольшія картинки масляными красками, карандашомъ, и только благодаря способности моей къ рисованью, могъ кое-какъ существовать. Я не ропталъ на то, что получалъ малое жалованье, понимая очень хорошо, что прибавка возможна только за заслуги, болѣе или менѣе блестящія и признанныя. Но для этого надобно было играть роли хорошія, видныя, а мнѣ ихъ не давали; за тѣ же роли, которыя я игралъ, плата, по мнѣнію администраціи, была достаточная. Я просилъ давать мнѣ роли труднѣйшія, въ которыхъ я могъ бы выказывать свое дарованіе, а не роли въ родѣ „Гильденштерна“ — въ Гамлетѣ, выпадавшія исключительно на мою долю. Мнѣ отвѣчали, что онѣ вполне соотвѣтствуютъ моему дарованію. Я предложилъ переиграть попеременно всѣ мужскія роли въ драмѣ: „Материнское благословеніе“ (La Nouvelle Fanchon), бывшей тогда въ большой модѣ; предложилъ это съ условіемъ, что если я хоть въ одной роли буду хуже тѣхъ, которые играли до меня, то подвергаюсь штрафу, какой угодно будетъ назначить. Согласія не послѣдовало. Наконецъ я заявилъ администраціи, что готовъ служить даромъ цѣлый годъ (какъ мнѣ это ни тяжело съ большою семьею), то есть не получать разовыхъ, а

¹⁾ Писано въ 1865 году.

довольствоваться однимъ убогимъ жалованьемъ, съ тѣмъ, что бы въ теченіе театральнаго сезона мнѣ дали двѣ-три хорошія роли.

Это предложеніе было принято.

Съ жаромъ принялся я за свою частную работу; не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью, что-бы наверстать тѣ рубли, отъ которыхъ отказался. Меня поддерживала мысль, что наконецъ бѣдствіи мои прекратятся и дорогое, святое для меня искусство будетъ исключительнымъ моимъ занятіемъ. Но время уходило, а иныхъ ролей, кромѣ самыхъ ничтожныхъ, почти „выходныхъ“, мнѣ не давали. Я выбивался изъ силъ, но все еще надѣялся...

Сезонъ окончился и отъ администраціи былъ мною полученъ слѣдующій отвѣтъ: „Ролей мнѣ не давали, считая это лишнимъ, разовыхъ же мнѣ не выдадутъ, такъ какъ я же самъ вызвался служить даромъ“.

Все пошло прахомъ; всѣ мои надежды и мечты рушились! Не тернія, не камни, но цѣпля скалы увидѣлъ я на пути, по которому мнѣ предстояло шествовать. Мною овладѣло отчаяніе; натура моя не выдержала и я захворалъ; у меня разлилась желчь. Я былъ въ отчаянномъ положеніи, но молодость свое взяла. Я поправился; и когда всталъ съ постели, то почувствовалъ себя какъ бы новымъ человекомъ, и духомъ, кажется, сильнѣй прежняго. Меня возмущали и несправедливость, и деспотическій произволъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла моя будущая артистическая участь. Готовый ко всему, я рѣшился бороться до послѣднихъ силъ и, при всемъ сознаніи своей слабости, ни разу не подумалъ сложить оружіе. Началъ терпѣливо выжидать... чего? и самъ не знаю; какого-нибудь счастливаго случая. Я выжидалъ — долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ, и наконецъ-таки выждалъ удобнаго случая.

Былъ назначенъ бенефисъ режиссера К—ва, господина весьма мнѣ недоброжелательнаго. Должна была идти драма покойнаго Ефимовича: „Отставной театральннй музыкантъ и княгиня“; главная роль музыканта была назначена Мартынову и роль — отличная. Это было въ началѣ сезона, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; отложить бенефисъ было невозможно, а между тѣмъ Мартыновъ еще не возвращался изъ отпуска, да и многихъ другихъ артистовъ не было на-лицо. Кромѣ меня этой роли играть было некому, но все же К—въ противился, и только, благодаря настояніямъ автора, роль была мнѣ прислана. Насталъ день, такъ давно мною ожидаемый. Мнѣ бросилъ его случай, одинъ слѣпой случай; я зналъ это и мнѣ надобно было имъ воспользоваться во что-бы то ни стало, иначе пришлось-бы еще десять лѣтъ дожидаться подобнаго случая. Не хочу хвалиться, но, кажется,

никогда я еще не игралъ такъ удачно, какъ въ этотъ вечеръ. На моея астіе покойный императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ въ тотъ вечеръ Александринскій театръ и именно пожаловалъ на представленіе пьесы, въ которой я игралъ главную роль. Игра моя понравилась государю, и когда онъ вышелъ изъ ложи, велѣлъ позвать меня:

— „Спасибо, Самойловъ“, сказалъ онъ мнѣ, и прибавилъ шутя: „только смотри, ты своею игрою заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого даромъ не прощу!“

Я ничего не могъ отвѣтить государю, у меня сердце переполнилось радостью и благодарностью... Немногими, но воистинѣ отъ сердца сказанными словами, Государь вознаградилъ меня за десять лѣтъ терпѣнія и страданія. Бываютъ минуты въ жизни, когда у человѣка сердце преисполняется величайшаго счастья и я пережилъ именно подобную минуту. Когда государь возвратился въ ложу, тогдашній директоръ, быстро проходя мимо меня, поздравилъ съ подаркомъ, который былъ мнѣ назначенъ государемъ изъ кабинета. Боже! у меня едва хватило силъ перенести мое счастье! Мнѣ — подарокъ, мнѣ — вознагражденіе, мнѣ — до сихъ поръ загнанному, запертому? Я торжествовалъ, блаженствовалъ; эта первая монаршая милость была для меня тѣмъ-же, чѣмъ бываетъ для воина георгіевскій крестъ.

Со дня этого спектакля администрація измѣнила ко мнѣ свои прежнія, непріязненные отношенія. Мнѣ положили поспешательную плату: два съ половиною рубля сер. и я началъ играть, чаще появляясь иногда въ главныхъ роляхъ.

Тогда во дворцѣ очень часто давались русскіе спектакли, отъ участія въ которыхъ меня отстраняла та же администрація. Это длилось нѣкоторое время. Тогдашній секретарь директора, А. Л. Н—вичъ, передалъ мнѣ, что государь не разъ спрашивалъ, почему онъ не видѣлъ меня ни разу на дворцовыхъ спектакляхъ вмѣстѣ съ другими; но ему отвѣчали обыкновенно, что я боленъ, или занятъ въ другомъ спектаклѣ, на которомъ-нибудь изъ городскихъ театровъ. Дѣйствительно, въ тѣ дни, когда играли во дворцѣ, меня постоянно назначали играть въ городѣ. И тутъ счастливый случай помогъ мнѣ.

Однажды государь выразилъ желаніе непременно видѣть меня въ дворцовомъ спектаклѣ и въ тотъ же самый вечеръ. Это случилось за два часа до представленія и, какъ нарочно, въ то время дворъ находился въ Царскомъ Селѣ. Тотчасъ же были посланы нарочные въ Петербургъ, за нотами, костюмами и артистами, участвовавшими въ назначенной пьесѣ. Всѣ они, по счастью, были на-лицо и одинъ только покойный П. И. Григорьевъ былъ занятъ въ Александринскомъ театрѣ и игралъ второе дѣйствіе какой-то пьесы. Представле-

нѣ пришлось приостановить и Григорьевъ, вмѣстѣ съ тогдашнимъ капельмейстеромъ, В. М. Кажинскимъ, посѣщилъ въ Царское Село. Пьесу доигралъ за Григорьева другой актеръ. Графъ М. Ю. Вѣльгорскій, находившійся постоянно при особѣ его величества, говорилъ мнѣ, что послѣ этого спектакля государь выразилъ желаніе, что-бы впредь я постоянно участвовалъ въ спектакляхъ во дворцѣ и монаршей воли никто не смѣлъ ослушаться.

Государь любилъ веселыя пьесы и потому во дворцѣ игрались преимущественно небольшія комедійки и водевили. Помню, разъ играли водевилъ: „Бѣда отъ сердца и горе отъ ума“, въ которомъ я исполнялъ роль фокусника-итальянца. Передъ спектаклемъ государь, смѣясь, сказалъ:

— Вотъ, Самойловъ, какъ ты сегодня будешь фокусникомъ; устрой намъ какой-нибудь фокусъ съ кѣмъ-нибудь изъ зрителей.

Я просилъ государя назначить то лицо, какое ему будетъ угодно, и его величество, подумавъ, назвалъ лейбъ-медика Маркуса, а для содѣйствія мнѣ въ этой шуткѣ назначилъ флигель-адъютанта Паткуля, такъ какъ одному мнѣ невозможно было осуществить задуманнаго мною плана.

Начался спектакль; зала была наполнена зрителями, разумѣется, придворными особами. Государь, повидимому, былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и съ улыбкою, искоса, поглядывалъ на Маркуса, зная заранѣе, что тотъ, волей-неволей, скоро сдѣлается изъ зрителя дѣйствующимъ лицомъ и сверхъ всякаго чаянія. Маркусъ, ничего не подозревая, сидѣлъ въ шестомъ ряду креселъ, съ самымъ серьезнымъ лицомъ и съ достоинствомъ, приличнымъ его званію, слѣдилъ за ходомъ пьесы. При взглядѣ на тучную фигуру, на блестящую лысину, на строгое выраженіе лица почтеннаго лейбъ-медика становилось еще смѣшнѣе при мысли, что государь избралъ именно его быть причастнымъ въ задуманной шуткѣ.

Сюжетъ водевила приблизительно заключался въ томъ, что одинъ итальянецъ-шарлатанъ, влюбившись въ молоденькую дѣвушку, является къ ея отцу просить согласія на ихъ бракъ; отецъ не соглашается и итальянецъ, что-бы понравиться и очаровать его своею ловкостью, показываетъ ему всякіе фокусы: дѣлаетъ яичницу въ шляпѣ, вынимаетъ изъ его локтя апельсинныя и яблочки; наконецъ, беретъ его золотую табатерку и со словами: „ein, zwei, drei!“ бросаетъ ее вверхъ и она исчезаетъ въ воздухѣ. Несмотря, однако же, на всѣ таланты, выказанные итальянцемъ, отецъ все-таки не соглашается имѣть такого подозрительнаго зятя, и безъ церемоніи гонитъ его вонъ, требуя прежде обратно свою золотую табатерку... Табатерки на-лицо не

оказывается: ее ищутъ вездѣ, начиная съ кармановъ фокусника — но ни въ нихъ, ни въ мебели, ни на полу ея нѣтъ. Отецъ объявляетъ, что этой покражи не допустить и хочетъ задержать фокусника. Послѣдній объявляетъ, что онъ въ залѣ не одинъ: она съ народомъ, за что же ему отвѣчать за всѣхъ? „Пускай всѣхъ обыскиваютъ!“

При этихъ словахъ по залѣ пробѣжалъ гулъ смѣха; государь смѣялся громче всѣхъ. Даже самъ солидный лейбъ-медикъ удостоилъ улыбнуться... только, увы! улыбка была непродолжительна. Между тѣмъ на сценѣ отецъ говорилъ фокуснику: „такъ какъ табатерка пропала изъ вашихъ рукъ, то ужъ вы и потрудитесь искать ее сами!“ Фокусникъ, т. е. я, недолго думая, съ поклономъ обращаюсь ко всей почтеннѣйшей публикѣ, сидящей справа, и слезно убѣждаю ее отдать табатерку и тѣмъ вывести меня изъ сквернаго положенія. При этомъ хохотъ зрителей прекратился, за то смѣхъ государя слышался еще громче, искреннѣе, неудержимѣе. На кого изъ зрителей я ни посмотрю вопросительно (а мнѣ съ возвышенія сцены видны были всѣ лица), тотъ сейчасъ же наклоняется, прячется за сосѣда, однимъ словомъ, старается исчезнуть... Едва-ли кому изъ зрителей было пріятно въ эту минуту. Не получая отвѣта справа, я, съ той же рѣчью, обращаюсь влѣво: та же исторія... За то съ правой стороны, по минованіи опасности, послышался ропотъ негодованія на дерзкую фамильярность съ особами, столь высоко-поставленными...

Не получивъ, разумѣется, ни отсюда отвѣта, я заявилъ публикѣ, что я самъ, безъ ея помощи, отыщу табатерку; что я — физиономистъ и что похититель драгоценной вещи отъ меня не укроется. Медленно окинувъ всѣхъ пытливымъ взглядомъ, которымъ, можетъ быть, многимъ не совсѣмъ по вкусу пришелся, я, наконецъ, съ увѣренностью указываю на Маркуса и утвердительно говорю, что табатерка должна быть у него. Всѣ взоры обратились на лейбъ-медика и съ нимъ случилось то, что всегда бываетъ. За минуту передъ тѣмъ, каждый, опасаясь за себя, находилъ эту шутку неумѣстною; теперь же, когда ея жертвою оказалось одно лицо — всѣ смѣялись и какъ-будто радовались. Никому не пришло въ голову, хотя на одно мгновеніе, поставить себя на мѣсто бѣднаго лейбъ-медика, а не случай-ли спасъ cadaго изъ нихъ отъ того же непріятнаго положенія?

При моемъ обвиненіи на лицѣ Маркуса выразилось непритворное негодованіе. Онъ сейчасъ же вскочилъ съ мѣста, быстро опустил руки въ карманы и, къ крайнему своему удивленію и всеобщему веселому хохоту, собственноручно вытащилъ исчезнувшую со сцены табатерку, которую я, во время игры, ловко успѣлъ передать стояв-

шему за кулисами флигель-адъютанту Патеулю; тотъ же, съ своей стороны, занимая кресла сзади Маркуса, и того ловче опустил ее въ карманъ лейбъ-медика, занятаго представленіемъ. Долго раздавались всеобщій смѣхъ и шумъ и мы подъ этотъ говоръ окончили нашъ водевиль.

Государь остался очень доволенъ и пришелъ на сцену благодарить насъ.

— „Я въ одномъ только убѣжденъ, ваше величество“, сказала я шутя, — „что какъ-бы опасно я ни захворалъ, но, ужь конечно, никогда не обращусь за помощью къ Маркусу.“

Между тѣмъ, впослѣдствіи, мнѣ приходилось не разъ встрѣчать почтеннаго лейбъ-медика въ обществѣ. Изъ его памяти, конечно, не могло совершенно изгладиться непріятное воспоминаніе о спектаклѣ, въ которомъ и ему пришлось играть незавидную роль, хотя я, въ этомъ случаѣ, былъ простое орудіе и исполнитель монаршей воли. Но какъ человѣкъ придворный, привыкшій управлять собою и своими опущеніями, Маркусъ никогда ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ мнѣ о прошломъ, будучи со мною всегда одинаково вѣжливымъ и любезнымъ. Мы часто встрѣчались съ нимъ у постели моего хорошаго пріятеля, нашего знаменитаго живописца Карла Брюлова. Брюловъ уже давно хворалъ біеніемъ сердца и болѣзнь его приняла, наконецъ, очень опасный оборотъ. Онъ уже не покидалъ постели. Маркусу, какъ придворному медику, было поручено отъ императора, ежедневнo навѣщать больного и сообщать о состояніи его здоровья. Онъ, разумѣется, не ограничивался своею официальною обязанностью и съ своей стороны давалъ совѣты дорогому больному, какъ и тѣмъ поддерживать свое здоровье. Между прочимъ, убѣждалъ Брюлова говорить какъ можно менѣе:

— „Вы помните, знаменитый и славный нашъ Карлъ Павловичъ, что самое ничтожное волненіе для васъ теперь—ядъ“, какъ то говорилъ Маркусъ. „Вы должны молчать, иначе все погибло. Каждое сказанное лишнее слово потребуетъ лишняго визита доктора; такъ имѣйте же въ виду хоть то, что ваше слово теперь имѣетъ стоимость червонца... не разоряйте себя!“

Затѣмъ разговоръ незамѣтно принялъ другое направленіе и, мало по малу, между Маркусомъ и Брюловымъ завязался споръ. Послѣдній, со свойственными ему горячностью и увлеченіемъ, началъ отстаивать свои убѣжденія...

— Помилуй, Карлъ, да замолчи ты, ради Бога! крикнулъ я Брюлову — вѣдь ты губишь себя... Ты вспомни, что говоритъ докторъ: твое слово—червонецъ!

„Не мѣшай, не мѣшай! отвѣчалъ со смѣхомъ Брюловъ, — „я хочу васъ оводотить“.

Бѣдный другъ! Ему было суждено не вставать уже болѣе съ постели.

Много хорошихъ часовъ проводили мы въ его обществѣ въ былое время, и тѣ, которые еще остались въ живыхъ изъ того кружка, конечно, не забыли объ артистическихъ вечерахъ у Брюлова. Онъ тогда занималъ въ академіи огромную мастерскую, съ казеннымъ освѣщеніемъ, которымъ мы и пользовались — надо признаться — въ весьма широкихъ размѣрахъ во время нашихъ ужиновъ. Угощенія и закуски бывали настолько богаты и вкусны, насколько и разнообразны: каждый, по своему усмотрѣнію, приносилъ съ собою что попало. За то именно освѣщеніе и убранство мастерской были великолѣпны, изящны, роскошны. Вся она была убрана картинами самого хозяина, и отъ первой до послѣдней, каждая картина отдѣльно освѣщалась съ одинаковымъ тщаніемъ и рѣдкимъ искусствомъ. Иному гостю приходилось сидѣть рядомъ со своимъ портретомъ, тутъ-же находившимся, и, по ошибкѣ, въ пылу разговора, иногда обращались къ копии, вмѣсто оригинала. Много горя, боли и всякихъ невгодъ забывалось въ этой искренней бесѣдѣ за незатѣйливой трапезой. Тутъ Несторъ Кукольникъ, бывший тогда въ большой модѣ, вдохновлялся и увлекалъ насъ своими стихотвореніями; Михаилъ Глинка вызывалъ слезы у присутствующихъ пѣніемъ своихъ задушевныхъ романсовъ. У него былъ теноръ не очень сильный, но чрезвычайно пріятный, и никто не умѣлъ пѣть его романсовъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ онъ пѣлъ ихъ самъ. Кромѣ того, онъ былъ замѣчательно хорошій піанистъ. Впослѣдствіи я сблизился съ нимъ. Онъ страстно любилъ театръ и даже оставилъ по себѣ маленькую память на Александринской сценѣ, написавъ куплетъ для переводнаго водевиля: „Купленный выстрѣлъ“. Въ этой пьескѣ я исполнялъ роль англичанина и въ концѣ мнѣ приходилось пѣть длиннѣйшій куплетъ, который былъ скомпанованъ Глинкою. У меня хранится партитура для оркестра, написанная вся его рукою, и я берегу ее, какъ дорогое воспоминаніе объ этомъ великомъ талантѣ.

.....
 ....за неуваженіе къ закулиснымъ властямъ, я долженъ былъ расплачиваться — и расплачивался щедро и широко: ничто мнѣ не извинялось и не прощалось. Не дешево покупалъ я себѣ право не гнуться и не лѣстить. Хотя и теперь время произвола еще не совсемъ миновало, но уже отрадно и то явленіе, что рассказы о несправедливостяхъ, возможныхъ въ былое время, возбуждаютъ него-

дованіе и, вмѣстѣ, недовѣріе къ рассказчику, такъ какъ передаваемые имъ факты кажутся невозможными. Но чего ни творилось въ мое время! Нынѣ шагъ къ самостоятельности сдѣланъ большой. Артисты стоятъ на ступени людей свободныхъ и независимыхъ и ими нельзя помыкать, какъ это было въ прежнее время. Помню, какъ талантливую пѣвицу А. Я. Воробьеву (Петрову), заставили пѣть партію Арзаса, въ оперѣ „Семирамида“, въ тотъ самый день, когда у нея скончалась мать. Въ другой разъ начальство разгнѣвалось на ту же самую пѣвицу, артистку съ замѣчательнымъ голосомъ и дарованіемъ, и, въ видѣ поучительнаго наказанія, причислило ее къ опернымъ хорамъ, въ которыхъ она и пѣла въ теченіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Тогда случаи подобнаго самоуправства никого не удивляли. Произволь и капризъ замѣняли нашему театральному начальству и законъ и здравый смыслъ, какъ при опалахъ, такъ и при милостяхъ. Нѣкто актеръ Аванасьевъ, по своему дарованію, не имѣвшій никакого значенія на сценѣ, разъ, какъ-то, въ театрѣ выпилъ лишнюю рюмку и что-то набуянилъ. Объ этомъ былъ составленъ и поданъ, куда слѣдуетъ, рапортъ; во избѣжаніе могущаго повториться скандала слѣдовало оштрафовать виновнаго, но рѣшеніе послѣдовало иное: „дать актеру Аванасьеву бенефисъ, такъ какъ, конечно, онъ пьянъ напился съ горя“. И Аванасьеву дали бенефисъ... Какъ послѣ этого не вѣрить пословицѣ: „не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ!...“

Спб., 1865 г.

В. В. Самойловъ.